

Lieb z 61: 1903:33

№ 9 (33).

19-го октября (1-го ноября) 1903 г.

Годъ второй.

*Чуринини
Киевский погромъ*

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Издается подъ редакціей ПЕТРА СТРУВЕ

Содержаніе.

Къ аграрному вопросу. Л. — Фигляръ, поучающій любви къ отечеству. П. С. —
Письма изъ провинцій: изъ Баку, Одессы, Новочеркасска, Ростова н. Д., Курска,
Ярославля, Борисоглѣбска, Кишинева, Кіева, Уфы и Подольской губ. — Россія
подъ надзоромъ полиціи. IV. Петра Струве. — Къ кишиневскому процессу.
Редактора н Ѳ. — Сообщенія и замѣтки. Положеніе ссылаемыхъ въ Сибирь. —
Настроеніе среди петербургскихъ студентовъ. — Письмо въ редакцію. — Про-
паганда въ войскахъ. — Опасная телеграмма. — Мѣра репрессіи. — Расхищеніе
трудовыхъ денегъ.

Приложеніе: Кишиневскій погромъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 80 пф. = 1 фр.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Издается под редакцией Петра Струве.

Освобождение выходит два раза в месяц в размере 16 страниц в четвертую долю листа. Подписная цена на четверть года (3 месяца) 5 марок = 6 франков 25 с., с пересылкой 5 марок 60 пф. = 7 франков. Цена отдельного номера без пересылки 80 пф. = 1 фр., с пересылкой 90 пф. = 1 фр. 10 с. Для России (издание на тонкой бумаге для пересылки в конвертах) — на четверть года 3 руб. = 6 М. 50 Pf. — Подписка принимается в контору издания у Дитца в Штутгарт (J. H. W. Dietz Nachf. in Stuttgart, Furlbachstrasse 12) и у всех книгопродавцев.

Письма и рукописи в редакцию просить из-за границы направлять по вышеуказанному адресу конторы издания, причем необходимо, во избежание каких-либо недоразумений, делать на внутреннем конверте или на самом письме (рукописи) четкую надпись „для Освобождения“.

Из России письма и рукописи должны быть посылаемы отправителями на имя живущих за границей знакомых для дальнейшей пересылки по адресу конторы издания, опять таки с обязательной надписью „для Освобождения“.

№ 9 (33).

Штутгарт, 19-го октября (1-го ноября) 1903 г.

Годъ второй.

Къ аграрному вопросу.¹

Одним из самых бесспорных положений социальной науки и общественной морали является на наш взгляд то, что между требованиями политического либерализма и социально-экономического демократизма должна существовать, существует и не может не существовать внутренняя и неразрывная связь. У русского читателя это положение не вызовет недоумения. В силу своеобразных условий нашего исторического развития, в России почти не существовало и не существует (за единичными исключениями) представителей т. н. чистого, т. е. антидемократического, или буржуазного, либерализма. Заботы о народных нуждах и интересах — „народничество“ в подлинном и прекрасном этическом смысле этого слова — с самого освобождения крестьян характеризует настроение политической мысли части нашего общества. Демократизм сдвинулся у нас коренной и неустрашимой особенностью одинаково как либерального, так и революционного движения, с той лишь разницей, что в одном случае он принимал резко определенную форму той или иной социалистической доктрины, а в другом он выражался в практических требованиях, которые, хотя и не приводились в связь с готовой и законченной доктриной, но отличались несомненно демократическим характером. Наше общество, к счастью, не знает обособления и даже противопоставления либерализма, понимаемого в области экономической политики как чистое манчестерство, социально-экономическому демократизму; такого типа либерализм отживает свои дни и в Западной Европе, и, напр., крушение партии Рихтера есть лучшая тому иллюстрация. Наше общество, в силу своей вполне естественной политической незрелости, напротив, скорее страдает противоположным грехом и слишком легко — по крайней мере, в теории — приносить в жертву интересам демократической социальной политики интересы политического либерализма, политической свободы: в этом состоит, на наш взгляд, главный грех наиболее демократических ветвей славянофильства и некоторых отголосков старого народничества; представители этих направлений считали возможным интерес демократизма отстаивать посредством механизма самодержавия; они не имели достаточно непримиримости и ненависти к самому принципу самодержавия, отрицающему основные права личности и элементарные требования либерализма; они готовы были согласиться на принудительный демократизм, не замечая здесь *contradictio in adjecto*. Итак, для русского освободительного движения является как-бы аксиомой, что политической либерализм и социально-экономический демократизм, требования политической свободы и демократической социальной реформы не могут быть разъединяемы в его общей программе.

¹ Ближайшие друзья „Освобождения“ и его редактор всецело стоят на почве намеченных в этой статье практических требований аграрной политики.

Без осуществления требований либерализма, возможно полной политической свободы, не имей бы цены, да и невозможен демократизм социально-экономической, и, наоборот, отрешенный от программы демократической социальной реформы либерализм теряет свою жизненную силу, не может выполнить до конца своих же освободительных задач. Либерализм политической и демократизм социально-экономической в сущности имеют одно и то же содержание и лишь различным образом стремятся к той же цели, к свободе личности, к ее освобождению от гнета политического и социально-экономического. Идеал политического освобождения заключается в политическом торжестве демократии при наибольших гарантиях свободы личности и максимум субъективных прав; а демократизм социально-экономической естественное свое завершение находит в идеалах социализма, причем последний понимается не в смысле готовых догматов и застывших доктрин, которые претендуют наперед учесть весь ход исторического развития и прописать неизменные рецепты социального воздействия, но как общий этический идеал, или руководящая цель, состоящая в создании такого общественного строя, при котором была бы устранена экономическая эксплуатация и экономической гнет; выработка средств, ведущих к этой цели и определяющихся конкретными историческими условиями, есть уже задача реальной политики. Поэтому, либерализм и социализм никоим образом нельзя отделять друг от друга или даже противопоставлять один другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — социализм не угрожает опасностью либерализму, как этого опасаются многие, он приходит не разрушить, а исполнить заветы либерализма.

На этом основании и на знамени современного русского либерализма, поскольку он находит выражение в этом органе, должны быть твердо и ясно начертаны принципы демократической социальной реформы, в его программе должны быть выставлены определенные требования социальной политики, направленные к защите интересов трудящихся классов, которые систематически угнетаются и обездоливаются при современном социальном и политическом строе. Эти конкретные требования, естественно, распадаются на две обширные и определенно различающиеся между собой группы — рабочий вопрос (в промышленности, торговле, транспортном деле и сельском хозяйстве) и аграрный вопрос. По поводу рабочего вопроса, который не составляет здесь предмета нашего специального обсуждения, заметим кратко, что он в основных чертах не может возбудить сомнений или серьезных разногласий и не представляет, вместе с тем, и теоретических трудностей, ибо он уже достаточно выяснился и в науке, и в жизни. Все те практические требования, которые касаются охраны труда, сокращения рабочего времени, права коалиций и стачек, политической самостоятельности и т. д. и давно уже

выставляются рабочими партиями Запада и отчасти России, безъ сомнѣнія, вполне соответствующимъ и основнымъ принципамъ русскаго демократическаго либерализма и потому могутъ и должны быть цѣлкомъ включены въ его программу.

Что касается аграрнаго вопроса, то въ центрѣ его стоитъ, конечно, крестьянскій вопросъ, такъ что можно поставить почти знакъ равенства между ними. Слѣдуетъ еще замѣтить, что крестьянскій вопросъ въ Россіи включаетъ въ себя въ значительной степени и вопросъ о наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, ибо помѣщичье хозяйство, при отсутствіи спеціальнаго класса безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, существующаго въ Англіи, Франціи и Пруссіи, принуждено довольствоваться наемнымъ трудомъ крестьянъ, ведущихъ и собственное хозяйство, и въ этомъ смыслѣ является только какъ-бы придаткомъ крестьянскаго хозяйства. Интересы крупнаго и крестьянскаго хозяйства при этомъ оказываются въ извѣстномъ смыслѣ противоположны, потому что, чѣмъ хуже обстоитъ крестьянское хозяйство, тѣмъ обильнѣе предложено наемнаго труда въ помѣщичьемъ и тѣмъ онъ дешевле, и наоборотъ. (Этотъ антагонизмъ деревенскихъ интересовъ превосходно охарактеризованъ еще Энгельгардтомъ въ „Письмахъ изъ деревни“.) Поднятіе крестьянскаго хозяйства неизбежно поэтому окажетъ косвенное вліяніе и на положеніе тѣхъ же крестьянъ и въ качествѣ наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Какъ извѣстно, въ экономической наукѣ существуетъ два почти противоположныхъ воззрѣнія на крестьянскій вопросъ. По одному изъ нихъ вліяніе капитализма въ земледѣліи приводитъ къ тому же, что и въ промышленности, т. е. къ концентраціи производства, и, слѣдовательно, рано или поздно приведетъ къ обезземелію крестьянства, превращенію ихъ въ наемныхъ рабочихъ и образованію крупнаго капиталистическаго земледѣлія. Такъ какъ крестьянское хозяйство по этой теоріи не имѣетъ будущаго, то и экономическая политика, ставящая себѣ задачей поддержаніе его, какъ таковаго, нераціональна и бесплодна и, самое большее, сводится къ простой благотворительности, поскольку смягчать муки родовъ аграрнаго капитализма. Очевидно, что это воззрѣніе, если бы оно было безспорнымъ и единственно возможнымъ, ставило бы всю земскую Россію въ ужасное, трагическое положеніе, обрекая ее на бездѣйствіе въ виду доказанной невозможности прогрессивной аграрной политики и вообще разумной, цѣлесообразной помощи крестьянскому хозяйству. Здѣсь не мѣсто возобновлять теоретическій споръ, который давно уже ведется по крестьянскому вопросу въ спеціальной литературѣ; ограничимся здѣсь изъясненіемъ своего общаго отношенія къ этому вопросу. Мы считаемъ вышеочерченное отрицательное воззрѣніе на крестьянское хозяйство и его будущее несоответствующимъ опыту западноевропейскихъ странъ, научно недоказаннымъ и вообще невѣрнымъ, какъ это за послѣднее время все больше и больше признается и въ европейской социалистической литературѣ. Сплошное обезземеліе крестьянства и вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства крупно-капиталистическимъ земледѣліемъ въ коренной Россіи весьма мало вѣроятно и было бы нежелательно по своимъ социально-экономическимъ послѣдствіямъ. Мы убѣждены, что въ свободной Россіи крестьянское хозяйство, выполняемое широкимъ развитіемъ различныхъ коопераций и вообще начала товарищеской взаимопомощи производителей, окажется вполне жизнеспособнымъ и, даже болѣе того, что именно ему будетъ принадлежать первенствующая роль въ русскомъ земледѣліи. Конечно, при этомъ мы вовсе не закрываемъ глазъ на теперешнее состояніе деревни, на происходящую въ ней пролетаризацію крестьянства, но считаемъ это явленіе симптомомъ столько же неизбежнаго хозяйственнаго процесса, въ силу котораго часть населенія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, отливаеъ въ другія сферы труда, сколько и общаго паталогическаго состоянія деревни, естественнымъ результатомъ тѣхъ условий, въ которыхъ она живетъ при существующемъ политическомъ режимѣ, осложненномъ еще переживаніями крѣпостнаго права и при современномъ строѣ русскаго финансовъ, всей своей огромной тяжестью давя-

щихъ на крестьянство. П считая недолговѣчными теперешній финансовый и политическій строй, мы и отказываемся видѣть въ этой болѣзни и частичномъ вырожденіи крестьянскаго хозяйства типъ развитія этого хозяйства, его естественный и неотвратимый ходъ, обусловленный требованиями сельскохозяйственнаго прогресса.

При такомъ пониманіи общаго характера аграрной эволюціи, въ обсужденіи аграрнаго вопроса на первое мѣсто естественно выдвигается вопросъ спеціально о крестьянской программѣ, которая, обнимая совокупность мѣръ въ пользу крестьянства и крестьянскаго хозяйства, отвѣчала бы требованіямъ социальной справедливости и экономического прогресса. Крестьянскому вопросу должно быть посвящено наибольшее вниманіе со стороны представителей русскаго освободительнаго движенія, потому что въ немъ главный узелъ не только аграрнаго вопроса, но едва ли не всей русской жизни и русской исторіи. Путь русской земли въ деревнѣ, какъ сказалъ нѣкогда Щедринъ. Мы не хотимъ этимъ, конечно, умалять того великаго значенія, которое принадлежитъ въ современномъ освободительномъ движеніи городу и городскому пролетариату. Но это значеніе, создаваемое условиями даннаго историческаго момента, не измѣняетъ общаго факта огромнаго количественнаго перевѣса деревенскаго населенія Россіи и, соответственно съ этимъ, и той первенствующей роли, которая принадлежитъ крестьянству въ нашей финансовой и экономической жизни. Все зданіе нашего народнаго и государственнаго хозяйства — непосредственно или посредственно — упирается въ широкую мужицкую спину и начинаетъ колебаться, когда трещитъ и гнется или нетерпѣливо потягивается эта послѣдняя. Относительно Россіи сохраняеть полную силу знаменитое изреченіе физиократовъ, давно уже утратившее свое бывшее значеніе въ примѣненіи къ странамъ съ преобладаніемъ промышленности и промышленнаго населенія: *rauvres paysans — rauvre gouaume*.

При такой роли крестьянства въ Россіи его прогрессирующее разореніе пріобрѣтаетъ значеніе общегосударственной и общенаціональной опасности, и крестьянскій вопросъ грозно выдвигается на первую очередь въ ряду многочисленныхъ и трудныхъ вопросовъ теперешней русской жизни. И нельзя даже сказать, чтобы эта важность аграрнаго вопроса не сознавалась и нашимъ правительствомъ, особенно послѣ того, какъ къ знаку вопроса присоединился еще и знакъ восклицанія въ видѣ аграрныхъ волненій, съ одной стороны, и угрожающаго бюджетнаго дефицита, съ другой. (См. „Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта отъ 30-го декабря 1902 года“, изданный „Освобожденіемъ“.) Поэтому за послѣднее время аграрный вопросъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ заботахъ правительства и, по своему, оно искренно желаетъ подкормить курицу, несущую для него золотыя яйца. Но самодержавіе уже безсильно это сдѣлать, оставаясь самимъ собою, — это задача, абсолютно превышающая его способности. Напротивъ, самодержавіе является главнымъ препятствіемъ аграрнаго прогресса въ Россіи, и аграрный вопросъ не разрешимъ внѣ общаго политическаго освобожденія Россіи. Поэтому въ данный моментъ борьба за освобожденіе есть самый вѣрный и единственный путь къ разрешенію аграрнаго вопроса. Эта истина, имѣющая въ нашихъ глазахъ аксіоматическую непреложность, должна сознаваться каждымъ, размышляющимъ на эти темы, и ея справедливость не трудно показать. Изъ политической экономіи извѣстно, что никакая прогрессъ, никакія усовершенствованія въ крестьянскомъ хозяйствѣ не могутъ быть навязаны ему извнѣ и осуществлены насильственно, а могутъ быть лишь сознательнымъ и свободнымъ дѣломъ самого крестьянства. Духовная личность крестьянина вотъ та мастерская, та лабораторія, въ которой зарождается аграрный прогрессъ. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть того автоматическаго прогресса, который возможенъ до извѣстной степени въ промышленности въ зависимости отъ объективнаго развитія техники. Поэтому, постоянно повторяемое и земствомъ, и печатью, и сельскохозяйственными комитетами, и представителями науки указаніе относительно первостепенной важности поднятія личности кре-

стыяства въ культурномъ и правовомъ отношеніи не есть фрондирующая фраза, но содержитъ элементарную истину политической экономіи, въ подтвержденіе которой можно привести разительные примѣры изъ аграрной исторіи. Напомнимъ хотя бы о судьбахъ французскаго крестьянства до и послѣ революціи. Передъ революціей крестьянское хозяйство во Франціи находилось въ самомъ ужасномъ состояніи, мы думаемъ, худшемъ, чѣмъ теперь русское. Прочитайте у Тэна или другихъ историковъ предреволюціонной эпохи характеристику духовнаго облика крестьянъ, ихъ жилищъ, одежды, пищи, земледѣльческихъ орудій, и вы подумаете, что такая нищета и варварство излѣчиваются только столѣтіями. Голодовки были столь же заураднымъ явленіемъ, какъ и у насъ, переписка интендантовъ, французскихъ губернаторовъ, переполнена дѣлами по продовольственному вопросу, заботами о прокормленіи и спасеніи отъ голодной смерти сельскаго населенія. На этомъ послѣднемъ тяготѣли ржавыя цѣпи средневѣковой феодальной зависимости, которые дѣлали изъ каждаго феодала по малой мѣрѣ земскаго начальника, конечно, съ правами XVIII вѣка. Но вотъ пронесся революціонный ураганъ, принесшій всему французскому народу свободу, а французскому крестьянству сверхъ того освобожденіе отъ феодальной зависимости. Эта свобода была куплена французскимъ народомъ дорогою цѣной, цѣной всенародныхъ потрясеній и продолжительныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, государственнаго банкротства, словомъ, величайшаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ. И тѣмъ не менѣе, что же мы видимъ уже въ началѣ XIX вѣка? Голодовки исчезаютъ, о нихъ какъ-то забывается, земледѣліе поднимается на сравнительно высокий уровень и получаетъ способность къ прогрессу, весь предреволюціонный кошмаръ исчезаетъ. Конечно, не нужно забывать, что революція принесла французскому крестьянству новые источники земельного обезпеченія, но, вѣдь, не на всѣхъ крестьянъ оно распространилось, а, кромѣ того, какія же земельныя богатства послужили бы на пользу дореволюціонному крестьянству? Нѣтъ, главной причиной всѣхъ этихъ благодѣтельныхъ переменъ слѣдуетъ считать то, что революція принесла народу свободу: политическое освобожденіе и для Франціи сыграло роль самой радикальной аграрной реформы. Подобные же примѣры, хотя и не столь яркіе, можно привести изъ исторіи и другихъ странъ. Желать или ожидать отъ русскаго самодержавія освобожденія и поднятія культурной и гражданской личности крестьянина, значило бы то же самое, что мечтать о томъ, чтобы волкъ сталъ внимательнымъ и любвеобильнымъ пастухомъ овецъ, Квазимодо — Аполлономъ, тюремщикъ — глашатаемъ свободы, гнилое болото, заражающее и окверняющее воздухъ — цвѣтущимъ и благоухающимъ садомъ. Вѣдь уже однимъ фактомъ своего существованія, возможнаго лишь при условіи постоянной, скрытой и открытой, борьбы съ обществомъ, самодержавіе создаетъ и поддерживаетъ атмосферу всеобщаго безправія, которая естественно наиболѣе стучается на низинахъ общественной жизни, въ деревнѣ. Въ силу того, что самодержавіе находится на военномъ положеніи по отношенію къ обществу, поддерживаетъ существованіе непрерывной гражданской войны, оно вноситъ заднюю мысль, полицейскій страхъ и политической расчетъ рѣшительно всюду. Поэтому всѣ культурныя начинанія правительства и всѣ его реформы отличаются недодѣланностью, половинчатостью, какой-то духовной импотенціей. И этотъ страхъ передъ всякой реформой или даже просто переменъной удесятряется, когда дѣло идетъ о народныхъ массахъ. Можетъ ли самодержавіе не бояться просвѣщенія въ деревняхъ, когда оно знаетъ, что просвѣщенный человѣкъ не захочетъ быть безотвѣтнымъ рабомъ? Какъ ему не бояться проникновенія въ деревню столь нужныхъ тамъ интеллигентныхъ силъ, когда оно знаетъ, что эта интеллигенція прежде всего научитъ народъ бороться съ самодержавіемъ. Поэтому естественно въ деревню являются, вмѣсто новыхъ учителей, новые земскіе стражники, а вмѣсто странствующихъ профессоровъ агрономіи, обычныхъ въ западноевропейской деревнѣ, губернаторами и даже земскими начальниками читаются грозныя лекціи государственнаго, гражданскаго и полицей-

скаго права. Одинаково трусливо и косно оказывается самодержавіе и относительно гражданско-правовой жизни деревни, гдѣ оно поддерживаетъ юридическій строй жизни, нерациональный со всякой, и даже съ правительственной, точки зрѣнія. Одной изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ деревни является юридическое довершеніе освобожденія крестьянъ, признаніе ихъ полноправными гражданами и надѣленіе ихъ тѣми элементарными гражданскими правами, которыхъ они еще не имѣютъ. Крестьянство составляетъ какой-то status in statu, на который до сихъ поръ не распространяются нормы общаго права. Крестьянинъ остается лишеннымъ права свободнаго передвиженія и выбора мѣста жительства и рода занятій, онъ ограниченъ въ правахъ семейной самостоятельности и личной собственности, подчиненъ особой юрисдикціи и, хотя уже не зависитъ отъ помѣщика, но остается крѣпокъ „міру“, а чрезъ его посредство государству. Русскому юридическому творчеству ставится поэтому задача выработки такого общегражданскаго права, которое уничтожило бы даже самое понятіе „крестьянъ“ въ юридическомъ смыслѣ, т. е. неполноправныхъ гражданъ, подчиненныхъ дѣйствію спеціальнаго права. Предъ этой задачей давно уже бесильно стоитъ самодержавіе, которое не можетъ, конечно, отважиться на такую коренную реформу изъ страха, къ чему она приведетъ и чего можетъ отъ него потребовать. Отмѣченная крѣпость крестьянъ „міру“ усиливается еще спеціально общинно-поземельными отношеніями. Участіе въ поземельной общинѣ (въ особенности послѣ закона 12 декабря 1893 г.) въ настоящее время имѣетъ принудительный характеръ, ибо выходъ изъ нея возможенъ только съ согласія міра, и эта принудительность также непримирима съ гражданскою свободой. И противники, и защитники поземельной общины одинаково сходятся въ томъ, что для своего нормальнаго развитія община, которую въ теперешнемъ ея состояніи одинъ изъ русскихъ юристовъ (профессоръ Нечаевъ) характеризуетъ, какъ „крѣпостную общую собственность“, должна освободиться отъ сомнительной прерогативы принудительнаго въ ней участія и возвыситься до положенія юридическаго лица, сдѣлавшись свободнымъ союзомъ, члены котораго вольны вступать въ него или выходить, какъ во всякомъ экономическомъ товариществѣ. Самодержавіе послѣ долгихъ колебаній сдѣлало первый шагъ въ эту сторону въ видѣ отмѣны круговой поруки (быть можетъ, по соображеніямъ преимущественно финансоваго характера). Но это именно такой шагъ, на которомъ нельзя остановиться: нужно ити дальше и дальше въ направленіи общей реформы юридическаго быта деревни. Отважится ли на это самодержавіе, когда оно не рѣшается даже отмѣнить порку, пинтой которой нынѣ является кн. Мещерскій, хотя поддержаніе порки, въ сущности, не находится въ непосредственной связи съ устоями самодержавія, а только соотвѣтствуетъ его общему духу?

Боясь приступить къ рѣшительнымъ крестьянскимъ реформамъ, самодержавіе по тѣмъ же политическимъ мотивамъ принимаетъ рядъ глубоко безразличныхъ и экономически бессмысленныхъ мѣръ сословнаго характера, направленныхъ къ поддержанію дворянства въ качествѣ „опоры престола“. Сословнымъ характеромъ были отмѣнены и условія эмансипаціи, благодаря которымъ крестьянское землевладѣніе было почти повсемѣстно сокращено въ пользу помѣщиковъ; за эти обрѣзанныя земли крестьяне до сихъ поръ платятъ выкупные платежи, замаскированный выкупъ за личную свободу. Съ Александра III начинается эра открытой до цинизма поддержки дворянства. Прежде всего открывается дворянскій банкъ для оказанія кредита на льготныхъ условіяхъ. (Для общей политики русскаго правительства особенно характерно, что учрежденіе дворянскаго банка совпадаетъ по времени съ учрежденіемъ крестьянскаго банка, такъ что мѣра, направленная къ демократизаціи землевладѣнія, тотчасъ же сталкивается съ мѣрой, направленной къ диаметрально противоположной цѣли). Далѣе, послѣдовалъ рядъ значительныхъ пониженій процента, на поддержку которымъ явилось еще и „кормленіе“ въ должности земскихъ начальниковъ. Но и этого оказалось недостаточно: на помощь разоряющемуся, несмотря на поддержку государственнымъ банкомъ, дворянству со-

заны по закону 1902 г. дворянскія кассы съ новыми льготными подачками. Все это сословное законодательство увеличивается новѣйшимъ возмутительнымъ закономъ о дворянскомъ землевладѣніи въ Сибири, имѣющимъ создать тамъ земельное кулачество и уже вступившимъ въ свое дѣйствіе.¹ Такимъ образомъ, вмѣсто крестьянско-демократической аграрной политики, самодержавіе рѣшительно беретъ курсъ сословно-аристократической. Но это еще не все. Самодержавіе не можетъ осуществить и другую, также, на нашъ взглядъ, необходимую предпосылку аграрнаго прогресса, именно дать мѣсто широкому и свободному развитію мѣстнаго самоуправления. Исключительная важность этого условія связана съ основными свойствами земледѣльческаго производства. Дѣло въ томъ, что въ зависимости отъ мѣстности нужды земледѣлія слишкомъ сильно различаются между собою: вліяніе климата, почвы, условій землевладѣнія, рынка, путей сообщения и т. д. — все это въ совокупности придаетъ имъ для каждой мѣстности индивидуальный характеръ, такъ что онѣ могутъ быть учтены только на мѣстѣ, органами мѣстнаго самоуправления. Но, конечно, чтобы стоять на высотѣ призванія, органы эти должны обладать соответственной компетенціей и организацией. Что касается точнѣшаго разграниченія компетенціи органовъ самоуправления и центральной власти, то вопросъ этотъ требуетъ, конечно, детальнаго обсужденія. Во всякомъ случаѣ, всѣ мѣры, имѣющія значеніе для нуждъ мѣстнаго земледѣлія, должны обсуждаться, а иногда и выработываться органами самоуправления, при чемъ заявленія мѣстнаго представительства должны приниматься къ свѣдѣнію и центральной законодательной властью въ качествѣ матеріала при обсужденіи закона. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не о созданіи новаго закона, а о примѣненіи существующаго, органамъ самоуправления естественно принадлежитъ выработка способовъ его примѣненія. Вообще, чѣмъ меньше въ государственной машинѣ отводится мѣста бюрократіи и чѣмъ больше выборнымъ органамъ самоуправления, тѣмъ надежнѣе обезпечена народная свобода и удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ.

Что же касается устройства органовъ самоуправления въ указанныхъ цѣляхъ, то — это очевидно для всѣхъ благомыслящихъ людей — теперешняя земская организация должна быть восполнена какъ въ направленіи дальнѣйшаго приближенія ея къ населенію (созданіе мелкой земской единицы), такъ и въ направленіи общей демократизации ея состава и уничтоженія принципа сословности, на которомъ теперь, особенно послѣ „реформы“ Александра III, построено русское земство. Если принципъ всеобщаго равнаго прямого избирательнаго права не встрѣчаетъ принципиальныхъ возраженій относительно центральнаго представительства, то еще менѣе оснований ограничивать этотъ принципъ въ сферѣ мѣстнаго представительства, гдѣ имъ слѣдуетъ не менѣе дорожить, нежели въ центральномъ представительствѣ. Такое дѣйствительно народное представительство можетъ блюсти нужды края и оказывать содѣйствіе аграрному прогрессу. Какъ ставится вопросъ о дѣятельности органовъ самоуправления и вообще мѣстнаго населенія въ сферѣ аграрныхъ нуждъ при самодержавіи, — объ этомъ лучше всего говоритъ опытъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ и судьбы безконечныхъ земскихъ ходатайствъ, постоянно посылаемыхъ и постоянно отклоняемыхъ.

Итакъ, объ предпосылки аграрнаго прогресса, гражданская свобода и развитіе самоуправления, несомнѣнны съ самодержавіемъ, — такова основная истина аграрной экономіи, которую надлежитъ никогда не забывать. Конечно, мы не хотимъ сказаннымъ упростить аграрный вопросъ и цѣликомъ сводить его на политическій — причины аграрныхъ неурядицъ и крестьянской бѣдности необыкновенно сложны и коренятся не только во внутреннихъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ, но и въ состояніи всего міроваго хозяй-

ства. Аграрный вопросъ требуетъ внимательнаго специфическаго леченія, специальныхъ мѣръ помощи населенію и крестьянскому земледѣлію. Но указаніе такихъ мѣръ не можетъ составить задачи этой статьи, которая имѣетъ главную цѣль лишь вставить аграрный вопросъ въ общую политическую перспективу и тѣмъ органически ввести его въ программу русскаго освободительнаго движенія. Разработка этого вопроса и выработка подробной аграрной программы должны составить неотложную задачу друзей русскаго освобожденія, разрѣшимую лишь ихъ коллективной работой. Въ частности работа, начатая мѣстными сельскохозяйственными комитетами, которую правительство, навѣрное, оставитъ безъ всякаго вниманія, не должна быть заброшена русскимъ обществомъ, ее можно продолжать не для настоящаго, а для будущаго, чтобы встрѣтить паденіе самодержавія не съ пустыми руками, а съ готовой программой мѣръ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса.

Отстраняя отъ себя задачу предначертанія здѣсь общей аграрной программы, мы не можемъ, однако, при этомъ принципиальномъ обсужденіи аграрнаго вопроса обойти молчаніемъ одну изъ самыхъ существенныхъ его сторонъ, а именно земельный вопросъ. Извѣстно, какую роль въ деревенской жизни играетъ земельная тѣснота или малоземелье, какую кабалу оно надѣваетъ на крестьянина, заставляя его арендовать землю на всякихъ условіяхъ и дѣлая эту голодную аренду необходимымъ условіемъ возможности веденія хозяйства. Безспорно, малоземелье и по происхожденію, и по экономическому значенію есть явленіе въ высшей степени сложное, совершенно не поддающееся общей характеристикѣ. Въ однихъ случаяхъ оно создано уже условіями ликвидаціи крѣпостнаго права, „отрѣзками“ и дарственными, или четвертными надѣлами, въ другихъ оно порождено естественнымъ приростомъ населенія, превысившимъ емкость земледѣльческой территоріи, возможную при данныхъ условіяхъ земледѣльческой культуры. Но во всѣхъ случаяхъ оно является симптомомъ глубокаго упадка и разложенія крестьянскаго хозяйства. Точно также и по внѣшней обстановкѣ малоземелье наблюдается при самыхъ различныхъ условіяхъ: оно существуетъ и бокомъ-о-бокъ съ огромными площадями казенныхъ или частновладельческихъ земель, представляя вопіющее противорѣчіе съ этими земельными богатствами, но существуетъ и въ мѣстностяхъ съ господствомъ крестьянскаго хозяйства, гдѣ общая земельная площадь не можетъ быть увеличена; существуетъ и въ центральномъ черноземѣ и на востокѣ, и въ чисто земледѣльческихъ, и въ промышленныхъ районахъ нашего отечества. Учетъ всѣхъ индивидуальныхъ причинъ и особенностей малоземелья и выработка мѣръ борьбы съ нимъ могутъ быть сдѣланы во всѣхъ подробностяхъ только органами мѣстнаго самоуправления.

Нельзя, конечно, считать малоземелье единственной причиной крестьянской бѣдности, а увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія экономической панацеей. Справедливо указываютъ, что, если сравнивать Россію съ странами высокоинтенсивной культуры, то ни о какомъ малоземельѣ говорить не приходится, да и вообще изъ политической экономіи извѣстно, что емкость земледѣльческой территоріи относительно населенія есть величина очень колеблющаяся. Не подлежитъ сомнѣнію, что поднятіе интенсивности русскаго земледѣлія во много разъ повыситъ эту емкость и потому, разсуждая абстрактно, оно является лучшимъ средствомъ борьбы съ малоземельемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, съ другой стороны, что при теперешнемъ культурномъ уровнѣ крестьянина и крестьянскаго земледѣлія и при существованіи непомерной, ни съ чѣмъ не сообразной налоговой тяжести, лежащей на мужикѣ, повышеніе земельной площади даже до максимальныхъ предѣловъ, въ какихъ только она доступна воздѣлыванію личнымъ трудомъ, отнюдь не всюду и не неизбѣжно выведетъ мужика изъ его теперешняго состоянія и даже не освободитъ отъ голодовокъ, которыя при данномъ состояніи деревни неизбѣжно время отъ времени ее посѣщаютъ. Однимъ увеличеніемъ земельной площади, при сохраненіи теперешней финансовой системы и всей вообще политической

¹ Возможно, что мы стоимъ наканунѣ новыхъ мѣръ сословнодворянскаго характера. Въ „Освобожденіи“ № 30/31 былъ напечатанъ проектъ Плене относительно „урегулированія“ дѣятельности крестьянскаго банка въ связи съ переселеніемъ. Главная мысль проекта — задержать отливъ нераселенцевъ тамъ, гдѣ они нужны въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ помещичьемъ хозяйствѣ и направить потокъ ихъ туда, гдѣ рабочихъ не хватаетъ. Такимъ образомъ дѣятельность крестьянскаго банка также ставится задачаю пополненія о помещичьемъ хозяйствѣ.

и культурной атмосферы нашей жизни, крестьянскому горю помочь нельзя. Но на этом основании не слѣдует преуменьшать и всей дѣйствительной важности земельного вопроса. Нельзя закрывать глаза на тотъ фактъ, что существуетъ рядъ мѣстностей, гдѣ веденіе хозяйства почти невозможно вслѣдствіе недостатка земельныхъ угодій, луговъ, пастбищъ, вслѣдствіе искусно произведенныхъ при освобожденіи крестьянъ „отрѣзковъ“ или неудобнаго расположенія полей, причемъ и то, и другое составляетъ источникъ крестьянской кабалы (хотя, конечно, общая картина землевладѣнія съ тѣхъ поръ во многихъ мѣстахъ значительно уже измѣнилась). Нельзя допустить и мысли о томъ, чтобы такое положеніе вещей осталось безъ измѣненія и въ освобожденной Россіи, въ которой сословно-дворянская аграрная политика самодержавія должна смѣниться крестьянско-демократической, съ широкой податной реформой, имѣющей задачей облегченіе податной тяготы крестьянства (и, конечно, необходимо включающей отмѣну выкупныхъ платежей и сложеніе съ бѣднѣйшей части населенія всѣхъ недоимокъ по прямымъ налогамъ, государственнымъ и мѣстнымъ), наряду съ мѣрами, направленными къ общему просвѣщенію и агрономическому образованію народа, доставленію ему дешеваго кредита, развитію всякаго рода коопераций. На первую очередь долженъ стать вопросъ о демократизаціи земельной собственности, о болѣе справедливомъ и экономически болѣе рациональномъ распределеніи земли. Прототипомъ для насъ можетъ послужить дѣло Великой Французской Революціи, которая также не только дала политическую свободу, но и явилась огромнымъ шагомъ въ сторону демократизаціи земельной собственности (разумѣется, мы говоримъ лишь о самомъ принципѣ, а не о подробностяхъ его осуществленія, которыя индивидуальны въ каждой странѣ). Политическое освобожденіе Россіи должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и довершеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ, основаннаго на принципѣ признанія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю, хотя этотъ принципъ осуществился въ 1861 г. въ совершенно искаженномъ видѣ. Для этого слѣдуетъ, съ одной стороны, устранить все, чѣмъ дѣло эмансипаціи было испорчено въ пореформенную эпоху, а съ другой — по возможности исправить и довершить то, что тамъ было не додѣлано, какъ ни трудно осуществима теперь, при сильно измѣнившихся и, притомъ, во многихъ отношеніяхъ ухудшившихся условіяхъ, подобная задача.

Въ первомъ отношеніи необходима отмѣна всѣхъ привилегій дворянства и дворянскаго землевладѣнія, созданныхъ въ новѣйшее время. И здѣсь русское освобожденіе должно взять въ образецъ дѣло Великой Французской Революціи, уничтожившей остатки феодализма. Прежде всего должны быть уничтожены привилегіи дворянства въ области удешевленія и льготности кредита путемъ закрытія и ликвидаціи дѣлъ Дворянскаго банка; въ связи съ этимъ подлежатъ, конечно, отмѣнѣ законъ о дворянскихъ кассахъ и новыя мѣры, которыя готовить въ пользу дворянства Плеве, если ему удастся ихъ осуществить; наконецъ, подлежатъ отмѣнѣ законъ о сибирскомъ землевладѣніи дворянъ (намъ кажется, что относительно этого закона, совершенно несправедливо, на нашихъ глазахъ, надѣляющаго дворянъ землею въ совершенно новыхъ мѣстахъ на льготныхъ условіяхъ, возможно было бы и обратное дѣйствіе закона, т. е. принудительный выкупъ государствомъ уже наръзанныхъ земель). Намъ представляется также желательной и отмѣна ограниченной мобилизаціи дворянскаго землевладѣнія, которая, какъ показываетъ опытъ Англіи и Пруссіи, имѣютъ весьма реакціонное и экономическое, и политическое значеніе. Вообще съ паденіемъ самодержавія подлежатъ уничтоженію, на нашъ взглядъ, и самое званіе дворянства, такъ же какъ и крестьянства: всѣ сословныя перегородки должны быть безусловно сломаны.

Но государство не должно ограничиться въ земельномъ вопросѣ одними отрицательными мѣрами, это было бы неслѣдовательно и несправедливо; по нашему мнѣнію, оно должно сознательно и открыто поставить себѣ задачей демократизацію землевладѣнія, содѣйствіе переходу зе-

мель въ руки трудящихся массъ, и выработать цѣльный рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Не задаваясь цѣлью указать здѣсь всѣ возможные мѣры, отмѣтимъ, однако, что этой цѣли могла-бы послужить расширенная и тѣсно связанная съ экономическими мѣрами органовъ самоуправления дѣятельность крестьянскаго банка, которому г. Плеве въ настоящее время проектируетъ навязать роль учрежденія, регулирующаго распределеніе наемныхъ батраковъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Готовый фондъ для крестьянской колонизаціи могутъ представить земли, скопившіяся въ рукахъ Дворянскаго банка, послѣ его ликвидаціи. Кромѣ того, государство могло бы установить за собою право преимущественной покупки по справедливой оцѣнкѣ всѣхъ предлагаемыхъ къ продажѣ земель и осуществлять покупку въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается интересами крестьянскаго населенія или крестьянской колонизаціи. Фондъ для колонизаціи могутъ образовать также государственныя земли и обширныя земельныя богатства, захваченныя удѣлами и, по всей справедливости, подлежащія въ той или иной формѣ обращенію въ государственную собственность. Вообще нуженъ былъ бы законъ или, вѣрнѣе, цѣлое законодательство, направленное въ цѣляхъ демократизаціи земли и созданія мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ на личныхъ или кооперативныхъ началахъ.¹

Однако, несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ подобныхъ мѣръ окажется недостаточно или онѣ будутъ просто неприложимы. Найдутся такіе случаи, гдѣ крестьянское землевладѣніе можетъ быть увеличено только на счетъ частнаго и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе площади крестьянскихъ земель представитъ собой единственно мыслимый способъ хозяйственнаго подъема цѣльныхъ селеній (гдѣ рѣчь идетъ, напримѣръ, объ отсутствіи луговъ и выгоновъ или объ утраченномъ сервитутѣ, необходимомъ для крестьянъ и т. п.). Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, когда невозможно добровольное соглашеніе между сторонами на обычныхъ и справедливыхъ условіяхъ, за государствомъ должно быть признано право принудительнаго отчужденія, какъ оно существуетъ при проведеніи линіи желѣзныхъ дорогъ и подобныхъ случаяхъ общественнаго интереса. Конечно, этотъ обязательный выкупъ долженъ быть поставленъ на твердую почву законности и обставленъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надежными гарантіями. Эти случаи должны разсматриваться и обсуждаться органами самоуправления или нарочно для того составленными комиссіями, которыя имѣли бы судебныя полномочія и своимъ составомъ достаточно гарантировали бы справедливое разрѣшеніе вопроса. Есть категория случаевъ, когда принципъ принудительнаго регулированія земельныхъ отношеній со стороны государства долженъ быть проведенъ почти безоговорочно. Во-первыхъ, мы имѣемъ этотъ случай тамъ, гдѣ посредствомъ „отрѣзковъ“ необходимыхъ угодій или въ силу такого расположенія полей, при которомъ дѣлаются неизбѣжны потери и до крайности затрудняется веденіе хозяйства, преднамѣренно создано было подобіе крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, еще при самомъ освобожденіи.² Ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія экономической цѣлесообразности въ такихъ случаяхъ нельзя опиривать у государства право принудительнаго отчужденія и принудительнаго размежеванія соотвѣтствующихъ участковъ съ цѣлью прекращенія полукрѣпостныхъ отношеній; за такимъ отчужденіемъ во многихъ случаяхъ послѣдуетъ и ликвидація самаго хозяйства (что будетъ, конечно, на пользу крестьянскому хозяйству), по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ самое хозяйство основано было на этомъ земельномъ кулачествѣ (конечно, и здѣсь каждый случай долженъ подвергаться особому разслѣдованію).

Второй случай подобнаго рода мы имѣемъ въ арендныхъ отношеніяхъ. Правда, острота аренднаго вопроса нѣсколько

¹ Подобный законъ существуетъ въ Англіи еще съ 1892 г. (Small Holdings Act) въ слѣдствіе аристократическаго характера англійскаго землевладѣнія, отсутствія права принудительной экспроприаціи и общихъ экономическихъ условій развитія англійскаго земледѣлія, какъ не имѣлъ до сихъ поръ серьезныхъ результатовъ. Прусское законодательство о внутренней крестьянской колонизаціи возникло по политическимъ мотивамъ, ради оживленія польскихъ округовъ, и имъ искажено.

² Яркій примѣръ такого положенія вещей въ новѣйшей литературѣ мы находимъ въ статьѣ г. В. В. „Къ характеристикѣ аграрныхъ отношеній въ югозападномъ крайѣ“. „Народное Хозяйство“ 1903 г., кн. I.

уменьшится въ зависимости отъ общихъ мѣръ, направленныхъ къ демократизаціи землевладѣнія и планомѣрному регулированію переселеній. Тѣмъ не менѣе, область арендныхъ отношеній требуетъ законодательнаго регулированія, и созданіе демократическаго аренднаго права необходимо должно войти въ общую программу аграрной политики. Нѣкоторыя начала выработаны въ этомъ отношеніи Западной Европой, въ особенности Ирландіей съ ея Ольстерскимъ правомъ, но, конечно, приспособленіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ потребуетъ еще много самостоятельной работы отъ русскаго законодательства.

Наша деревня подобна теперь больному, одержимому многими болѣзнями и при этомъ помѣшенному въ темномъ и сыромъ подвалѣ, гдѣ нѣтъ ни свѣту, ни воздуху. Тщетны попытки лѣчить больного, пока онъ остается лишень главныхъ условій, при которыхъ только и можетъ жить и развиваться здоровый организмъ. Но создайте ему эти условія, и многія болѣзни пройдутъ безъ всякаго лѣченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ возможно приступить и къ правильному уврачеванію остальныхъ недуговъ. Нашему больному нужны свѣтъ и свобода, дайте же ему эти безцѣнные блага. А потому... да будетъ разрушенъ Кароагенъ!

Л.

Фигляръ, поучающій любви къ отечеству.

„Нельзя перенести оскорбленнаго чувства истинны.“

Бѣляевскій.

I.

Въ № 9886 „Новаго Времени“ (отъ 12-го октября 1903 г.) помѣщенъ фельетонъ г. Буренина, озаглавленный „Отповѣдь г. Максиму Горькому“. Въ этомъ фельетонѣ, вначалѣ, г. Буренинъ занимается „Освобожденіемъ“ и его редакторомъ. Лично редакторъ „Освобожденія“ не чувствуетъ ни малѣйшей потребности вступить въ состязаніе съ г. Викторомъ Буренинымъ и, въ отличіе отъ этого господина, который „не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія“ на статью Горькаго, „если бы въ ней г. Горькій не упоминалъ моего (г. Буренина) имени“, Петръ Струве не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на критическій очеркъ г. Буренина, если бы онъ упомянулъ въ ней только имя Струве, украшенное разными эпитетами, которые свидѣтельствуютъ только о полемическомъ бесслии. И если я и буду говорить ниже о себѣ, то только потому, что непристойности, напечатанныя г. Буренинымъ, въ сущности, не принадлежатъ ему лично и не касаются лично меня. Въ качествѣ же общественнаго факта эти непристойности суть въ то же время скверная и вредная ложь, а ихъ авторъ не только фигляръ, но и обманщикъ.

Начнемъ съ обмановъ, наиболѣе грубыхъ, рассчитанныхъ на самыхъ наивныхъ, не думающихъ или прямо глупыхъ читателей. „Г. Петръ Струве, какъ показываетъ его фамилія, принадлежитъ къ разряду инородцевъ, охотно позорящихъ Россію и ненавидящихъ ее.“

Мы не знаемъ, на кого и на что рассчитанъ подобный приемъ. Но для того, чтобы сразу понять, какъ онъ грубъ и глупъ, достаточно вспомнить слѣдующее мѣсто изъ напечатанной на страницахъ „Освобожденія“ юмористической „почти оды“, озаглавленной „Свято-русскій легионъ“:

Рядъ родныхъ святыхъ именъ:
Витте, Зенгеръ, Плева фонъ,
Ламздорфъ, Фредерикъ баронъ,
Саблеръ, Клейгельсъ, легионъ
Коренныхъ русскихъ именъ.

Интересно знать, что показываетъ этотъ „легионъ коренныхъ русскихъ именъ“? Кажется только то, что, говоря объ инородцѣ Струве, г. Буренинъ спекулировалъ на глупости читателей. Фельетонистъ-гаеръ хотѣлъ обмануть читателя-простеца, въ сердцѣ своемъ могущаго возрадоваться тому, что онъ — Кондратьевъ или Ивановъ, а не „инородецъ“ Струве. Но тѣмъ Струве, въ своемъ инородческомъ качествѣ, удостоверяемому фамиліей, отличается отъ вышереченныхъ савонныхъ особъ „Свято-русскаго легиона“, коиъ русско-патріотическое „Новое Время“ вкрадчиво привѣтствуетъ при назначеніи и свиходительно провозглашаетъ при увольненіи?

Посрамивъ меня моимъ инородчествомъ и совершивъ этимъ кощунное оскорбленіе Величества (по своему инородческому званію я прихожусь землякомъ не болѣе, не менѣе какъ Императору Всероссийскому, ибо мы оба происходимъ отъ „голыштин-

скихъ выходцевъ“),¹ г. Буренинъ начинаеть инсинуировать въ другомъ родѣ, пользуясь приемами изложенія, весьма характернымъ. „Его (Струве) инстинктъ, какъ мнѣ говорили заграницей, издается на еврейскія деньги или, по крайней мѣрѣ, субсидируется очень усердно евреями. По моему, этихъ двухъ обстоятельствъ, т. е. принадлежности г. Струве къ какой угодно народности, только не русской, и поддержки его листка евреями, совершенно достаточно для того, чтобы опредѣлить настоящую сущность и настоящія цѣли публицистики и политики „Освобожденія“.“²

Г. Буренину „говорили“, что „Освобожденіе“ „издается на еврейскія деньги“, но въ слѣдующей фразѣ это „говорили“ превращается уже въ „обстоятельство“, котораго „достаточно“ и т. д. Приемъ извѣстный, къ которому прибѣгаютъ клеветники, желающіе дать клеветѣ незамѣтно и вѣрно, а въ то же время, какъ бы невинно проскользнуть въ умы читателей.

Чего хочетъ г. Буренинъ достигнуть подобными инсинуаціями, совершенно ясно. Онъ желаетъ въ глазахъ недумающихъ читателей большую и всеобъемлющую борьбу за политическое освобожденіе Россіи представить, какъ борьбу специально за интересы русскихъ евреевъ. Служеніе задачъ, которую въ теченіе ряда десятилѣтій множество русскихъ людей носятъ въ сердцѣ своемъ, какъ неискоренимый священнѣйшій обѣтъ любви къ родинѣ, фигляръ-обманщикъ выдаетъ за користное служеніе интересамъ еврейства. Намѣреніе, лежащее въ основѣ этого обмана, нетрудно понять. Но настанетъ время — и, быть можетъ, оно близко — когда весь свѣтъ увидитъ, что г. Буренинъ — скверный и глупый клеветникъ, говорящій ложь, опровергнуть которую невозможно въ настоящій моментъ только потому, что она находится подъ охраной департамента полиціи. У вашей клеветы, г. Буренинъ, пока очень крѣпкая цитадель на берегахъ Фонтанки близъ Цѣннаго моста, но, когда эта цитадель, въ которой душатъ правду и выкармливаютъ ложь, будетъ разрушена, тогда вы, г. Буренинъ, явитесь въ полномъ блескѣ историческаго клеветника, наль котормъ будутъ смѣяться всѣ, даже ваши теперешніе единомышленники.

Ахъ, зачѣмъ вы увлеклись злобой и ко всей серіи вашихъ безславныхъ литературныхъ дѣлъ присоединили эту скверную и смѣхотворную клевету, за которую васъ ждетъ немилостивый судъ исторіи!?

II.

Г. Буренинъ имѣетъ смѣлость говорить, что „Освобожденіе“ состоитъ изъ слетень. Какое неуваженіе къ русскому правительству!! Вѣдь, „Освобожденіе“ сообщаетъ о дѣйствіяхъ правительства, главнымъ образомъ, путемъ оглашенія правительственныхъ документовъ.

Слетеня что ли, г. Буренинъ, напечатанная нами историческая записка г. Витте о самодержавіи и земствѣ?

Слетеня — постановленія и протоколъ московскаго совѣщанія земцевъ?

Слетеня — напечатанный „Освобожденіемъ“ Журналъ Государственнаго Совѣта о финансовомъ положеніи Россіи, документъ, оглашеніе котораго вызвало разъясненіе въ официальномъ „Вѣстникѣ Финансовъ“?

Слетеня — официальныя свѣдѣнія о ростѣ революціоннаго движенія?

Слетеня — документальныя сообщенія о ходѣ обсужденія университетскаго вопроса?

Слетеня — оглашенные во множествѣ въ „Освобожденіи“ циркуляры Департамента Полиціи и иныхъ вѣдомствъ?

Слетеня — обвинительные акты и судебныя рѣчи по политическимъ процессамъ, разбирающимся при закрытыхъ дверяхъ?

Слетеня — свѣдѣнія о сельскохозяйственныхъ комитетахъ и о мѣрахъ, принятыхъ противъ нихъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ?

Слетеня и выдумки — сообщенія объ арестахъ множества лицъ по политическимъ дѣламъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи?

Г. Буренинъ говоритъ о „небывалыхъ“ разговорахъ представителей высшей администраціи, сообщаемыхъ намъ „достоверными лжесвидѣтелями“ и о „возмутительныхъ фактахъ“, сочиняемыхъ для насъ „добровольными слетенниками“, столичными и провинціальными Тряпичкиными.

Намъ забавны всѣ эти иронически-обличительные потуги нововременскаго фельетониста. Мы знаемъ совершенно достоверно, что о „небывалыхъ разговорахъ“, печатаемыхъ въ „Освобожденіи“, прикосновенныя лица, напр., г. Лопухинъ, Витте и даже самъ столпъ престола-отечества, помазанный въ Троицко-Сергіевой лаврѣ и тамъ отъ инородческой скверны омытый фая-

¹ Эри „Исторію Россіи“ Соловьева и „Исторію одного города“ Щедрина („Пейферъ, Богданъ Богдановичъ, гвардія сержантъ, гольтштинскій выходецъ, лицего не свершивъ, смѣненъ въ 1782 г. за небыжество“), а также „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза подъ словомъ Струве.

² Курсивъ въздъ мой. Н. С.